

ПУБЛИКУЕТСЯ В ПЕРВЫЕ

Предлагаемый рассказ – это фрагмент статьи Давида Карапетяна, которую он назвал «Вдвоем с Высоцким». Один из самых близких друзей Владимира Высоцкого впервые публикует свои воспоминания. Полностью их вскоре можно будет увидеть в очередном – четвертом – выпуске альманаха «Мир Высоцкого». Это издание ежегодно представляет читателям Государственный культурный центр – музей В. С. Высоцкого.

Зап. кн. 2000 - 21.07.00 - 015.

– Хочешь, поедем сейчас к Хрущёву? – ошарашил он меня. Каюсь, сначала я не придал его словам серьёзного значения. Я и понятия не имел тогда, что Володя обладает такими фантастическими возможностями. Много позже я понял, что какой-либо глубокой подоплеки за его предложением тогда не стояло – не собирался он в то утро ехать к Хрущёву «советоваться, как ему жить дальше», как утверждали многие мемуаристы, – просто хотел сделать для меня что-нибудь приятное.

Не раздумывая, я ответил:

– Конечно, хочу, но как?

– Сейчас увидишь, – отвечает Володя, берёт трубку и набирает номер Юли, внучки Хрущёва. Поразительно всё это у него получалось.

Юля:

– Нет, Володя, сегодня это невозможно.

Я слышу, как она отвечает, – ясно, что ей сейчас не до него. У Юли, видимо, свои планы на сегодняшний день, свои резоны (позже я узнал, что муж Юли был тогда тяжело, фактически безнадёжно, болен). Да и не так, наверное, просто организовать эту встречу: нужно предварительно позвонить Хрущёву, договориться с ним, ведь хозяйка в доме – Нина Петровна. Да и сам Хрущёв может иметь собственные планы или плохо себя чувствовать. К тому же там охрана...

Но Володя уже принял решение: он должен сегодня туда поехать! Тем более, что он уже как бы обещал эту поездку мне. Минут пятнадцать он утваривал Юлю, приводил какие-то доводы, в конце концов она сказала что-то вроде: приезжай, поговорим. Я чувствовал себя неловко, но, как говорится, меня не спрашивали, – да и перечить Володе в этом его настроении было бесполезно.

Поехали к Юле. Она жила на Кутузовском проспекте, номера дома не помни, довольно скромная квартира, двух- или трехкомнатная.

Юля в некоторой растерянности. А ее муж интеллигентного вида человек, очень худой, спросил:

– Володя, а вы что – хотите с вами другом туда поехать?

Интонация в его словах была такая: одному, мол, еще куда ни шло, но вдвоем!.. Надо же и совесть иметь! Может быть, определенные подозрения у него вызывали и моя кавказская внешность...

Но – и это удивительная черта характера Володи, – решившись на что-то, он действовал с таким напором и убежденностью, что просто заставлял всех поступать по-своему.

– Да-да, это мой ближайший друг, мы поедем с ним! Юля, ну позвони же, мне обязательны нужно с Никитой Сергеевичем поговорить.

Наконец Юля сдалась.

Звонит Хрущёву:

– Дедушка, можно я к тебе сейчас приду с двумя актерами «Современников»? Они хотят посоветоваться с тобой. Помнишь, ты у них был на спектакле?

Юля, видимо, не смогла придумать лучшего предлога для поездки. Хрущёв действительно недавно был в «Современниках» на спектакле «Большевики» по пьесе Шатрова, и она решила воспользоваться этим поводом. Потому что, как вскоре выяснилось, Хрущев Высоцкого знать не знал и слыхом не слышал. Никакого понятия о Высоцком он не имел!

Нам повезло, что дома не было Нины Петровны, которая, по словам Юли, всячески ограждала мужа от нежданых визитёров.

Никита Сергеевич сразу согласился.

Быстро собрались, уже выходим из квартиры, – и вдруг Володя стал объяснять Юлинику мужу (по-моему, тот был журналистом), что его друг, Гарик Кохановскому, нужно помочь опубликовать подборку стихов, и надо, чтобы муж пробил это дело как можно скорее. Муж неуверенно отнекивался, но Володя не отступал: «Ты должен сделать это для моего друга!..» Мне показалось, что они уже говорили об этом раньше, и Володя просто напомнил об уже данном им обещании, – отсюда его настойчивость.

И это тоже – характерная черта Володи: в такой момент он помнит о Гарике! Он постоянно помнил о своих друзьях, которым часто помогал без всяких просьб с их стороны. Это был, если угодно, один из основных его жизненных принципов: «Если хочешь друзей – со мной, помогай моим друзьям». Я не раз становился очевидцем таких его разговоров. А ведь кое-кто утверждает, что он был эгоистичен!..

И вот мы едем к Хрущеву, на его дачу в Петрово-Дальнем. По дороге обсудили, о чём, собственно, мы собираемся с Никитой Сергеевичем говорить. Юля немного успокоилась.

Никита Сергеевич ждал нас в своей комнате на втором этаже. Из её убранства мне запомнились нечестный в то время японский транзисторный радиоприемник, книга «Пчеловодство» и очаровка Тайя.

Представляя нас деду, Юля сказала, что Володя известный актёр, что он пишет хорошие песни и сам их поёт, но у него есть профессиональные трудности – его «затягивают», не дают выступать, и он хочет посоветоваться, как ему быть. Остальное время Юля преимущественно молчала: она как бы вела разговор в нужное русло, а потом просто сидела и слушала нашу беседу.

Тогда Володя в очень простых словах обрисовал Хрущеву свое положение. Общий смысл его слов был такой:

– Песни мои ругают, выступать не дают, на каждом шагу ставят пальки в колёса. А люди хотят слушать... К кому из руководства мне лучше обратиться? Вы ведь там всех знаете.

Хрущев довольно долго не мог никого назвать, думал, перебирал:

– Даже не знаю, какого вам посоветовать. Лучше, наверное, идти к Демичеву: он более-менее молодой, прогрессивный, лучше остальных в таких вещах разбирается...

– Вот, меня сейчас все ругают, дома эти называют «хрущёбами», а не говорят, что мы тогда вытаскивали людей из подвалов, где и сортировали не было (вместо вытаскивали он употребил нелитературное, но очень сонное слово), что мы дали им благоустроенное жилье, – правда, маленько, с низкими потолками, но жить-то можно. При Сталине жили в домах почти не строили, а я из этих «хрущёб» с армией поругалась.

Прогулка длилась минут 15-20, а когда мы вернулись, стол был уже насыщенный. Сели вчетвером: Никита Сергеевич, Юля, Володя и я. Собака пристроилась у ног хозяина. Скромный обед (или поздний завтрак): яичница с беконом, масло, овощной салат, кофе с молоком.

Только уселись за столом, как вдруг Володя спросил:

– Никита Сергеевич, у вас не найдется чего-нибудь выпить?

И спросил таким тоном, как будто они с хозяином друзья-приятели и только вчера расстались. Я оцепенел: как отнесётся Хрущев к

то сказать Берии правду в лицо, был Молотов...

Помню и Володин политический вопрос:

– Никита Сергеевич, неужели вы не догадывались, что Сталин сам санкционирует репрессии тридцать седьмого?

Хрущёв в ответ рассказал большую историю о том, как он, будучи Первым секретарем Украины, по настоюнию Сталина отпустил «на повышение» в Москву своего товарища и близкого сотрудника. И тот вскоре пропал из его поля зрения. А при очередной встрече в Москве Сталин, опережая вопрос Хрущёва, сказал: «Представляешь, Никита, эти мерзости забрали его. Такого работника! Поздно узнал, ничего не смог сделать».

– И я поверил ему. Мы все тогда думали, что всё зло – от НКВД, что его главарии обманывают Сталина и партию. Там было всё не так просто: ведь Сталин сам разоблачил Ягоду и Ежова и расправился с ними. Мы верили в их заговор против ленинских ЦК, – такими были наивными. И потом – Сталин умел

«Меня фактически вынудили проводить эту кампанию. Сразу же после смерти Сталина в ЦК КПСС стали приходить кучи писем из западных компаний, из Чехословакии, Венгрии и других мест. Ведь в числе репрессированных в тридцать седьмом было много деятелей западных коммунистических и рабочих партий. Писали их жёны и дети: «Что ж там такое у вас произошло? Давайте разберайтесь!». Надо было принимать какое-то решение.

Я собираю Политбюро, спрашиваю: «Что мы им будем отвечать? Врагов мы наказали или невиновные погибли?» К тому же многие репрессированные коминтерновцы проходили по разным уклонам: левые, правые, троцкисты, – и если мы будем их оправдывать, то надо нам и у себя решать, как быть с Зиновьевым, Каменевым, Бухарином... Мы уже реабилитировали Тухачевского, Якира, Постышева, но надо же что-то и с этими решать. Я им (членом Политбюро) говорю: «Ну какой же Зиновьев враг народа, если он с Лениным жил в одном шапаше и Ленин его называл Гришей? Как этот Гриша может быть врагом народа, если он вместе с Лениным скрывался в Разливе?»

Помню, я тогда удивился: они больше пытались оправдать правых уклонистов – Бухарина и Рыкова, – а Зиновьева и Каменева, связанных с троцкистами, люто ненавидели. И вообще колебались: «Нет, к этому мы не готовы, это грозит устоям нашего общества, этого надо заниматься, но постепенно...» В общем, коллективное руководство меня не поддержало. Кроме Микояна, – остальные или молчали, или были решительно против.

А я им сказал: тогда давайте сделаем так, чтобы совесть у нас была чиста. Давайте напишем «Завещание для потомков» от имени всего нашего коллектива руководства. С условием: «вскрыть после нашей смерти». И в этом Завещании подпишемся, что ни Бухарин, ни Зиновьев, ни Рыков, ни все эти правые и левые уклонисты – не были врагами народа. Что мы их реабилитируем и таким образом восстановим историческую правду.

Не пришли! Я ничего не мог с этим поделать – коллективное руководство.

Провожая нас, Хрущев вышел за ворота. Местные жители снисходительно-уважительно с ним здоровались: «Здравствуйте, Никита Сергеевич». Запомнилось, что на нем был гадаринский плащ, старый плащ серого цвета, каких в те годы носили все наши руководители. На левой стороне было небольшое масляное пятно, и еще – не хватало одной пуговицы, на её месте болтались обрывки ниток. Все эти мелочи остались в памяти только потому, что Володя тогда же сказал вполголоса: «Что ж это Нина Петровна – не может, что ли, ему пуговицу пришить?» Вот так это всё тогда и произошло...

Рассказ об этой нашей поездке не раз появлялся в печати. Но было в нем так много неточностей и неправд. Володя был прекрасным рассказчиком и мог прихватнуть, разукрашивать свой рассказ. Описывая тот или иной эпизод своей жизни, он, особенно если было много слушателей, меньше всего заботился об абсолютной достоверности. Для него это были своеобразные моноспектакли, в которых полёт фантазии – их неотъемлемая часть. Другое дело, когда разговор шёл тет-а-тет. Тогда пропорция «правда-выдумка» резко менялась.

В заключение перечислю некоторые ляпы «очевидцев»: песен Хрущеву Высоцкий не пел; разговора о выставке художников-абстракционистов в Манеже не было; не приносил нам Хрущев и старых газет, в которых говорилось о его заслугах в борьбе с культом личности... И хочу еще раз подчеркнуть: Володя этот день не собирался ехать к Хрущёву, чтобы посоветоваться с ним о своих проблемах (как следует из своих интерпретаций этой поездки). Могу с абсолютной уверенностью утверждать, что это была поездка-экспромт, так как подарок мне при соответствующем Володином настроении.

Незабываемым для меня стал и общий настрой той беседы. Володя ведь сидел так, как будто рядом с ним сидел не бывший руководитель страны, а обыкновенный пенсионер. Было видно, что Володя отдал ему должное, но в то же время за его словами как бы стояло: «Как же это вы прозрели, и мы опять в это дермо окунулись?»

Мне показалось, что Никита Сергеевич уже был как бы в отключке от общественной ситуации. Нужно учить и его возраст – ему было тогда 76 лет. О событиях своей жизни он говорил спокойно, как о чём-то фатальном. Живая обида чувствовалась только в его словах относительно «хрущёв»: «Я же пытался сделать людям лучше... где же благодарность людской?» И ещё, пожалуй, в его рассказе о «заговоре» тоже звучало живое недоумение по поводу собственной близорукости.

Для Высоцкого разговор с Хрущевым не был таким событием, как для меня, – по крайней мере, так мне казалось. Это было для него просто ещё одним доказательством собственных неограниченных возможностей. Хотя, если вспомнить, что в течение нескольких следующих месяцев Володя всем – от Виктора Турова до моего отца – ваххабёв рассказывал об этой встрече, значит, и для него она была важной.

Записал Игорь РОГОВОЙ

ПОЕЗДКА К ХРУЩЁВУ

подобной просьбе со стороны «молодежи»? Возмутится, будет скандал?..

Но он отреагировал на удивление спокойно:

– Вообще-то есть, – и достал из кухонного шкафа почтную бутылку «Московской особы». Володя сразу налил мне и себе, хозяин отказался:

– Мне врачи запретили, я не пью.

Всё же было заметно, что он сильно удивлён таким поведением гостей.

После этого эпизода (по ходу обеда бутылку мы с Володем постепенно прикончили) беседа пошла свободнее. Мы накинулись на хозяина с вопросами. Спрашивали о бывшем обо всём, что знали и чего не знали: о Сталине и Берии, о том, как это мог Хрущев ничего не знать о заговоре... И он очень интересно нам отвечал, некоторые его суждения мне ни тогда, ни после не встречались в печати.

Помни, я спросил:

– Правда ли, что в процессе десталинизации участвовал и Берия?

Ответ был неожиданно откровенным:

– Мы оба начинали, но независимо друг от друга.

То есть он подтвердил, что в либеральных реформах Берия тоже участвовал. Для меня в то время это было важнейшим открытием.

Многие разговоры в своё время было об осетинском происхождении Сталина. Когда я задал этот вопрос Хрущёву, Юля улыбнулась:

– Вы у Мандельштама об этом прочли? – Увы, меня ждало разочарование, Никита Сергеевич об этом ничего не знал.

Спрашивали, как вели себя члены Политбюро по отношению к Сталину. Хрущёв рассказывал:

– Как-то после войны приглашали Сталина нас с Анастасом Иванычем на обед – это было, по-моему, в его резиденции на озере Рица. Никого больше не было из Политбюро.

И тут Сталин, раздражённо, разговаривал с Демичевым, разговаривал с Мариной Влади. О том, как он «помогал», можно узнать из её памяти.

Демичев был прекрасный человек. Приводил к Сталину, говорил о Михохне – с уважительным чувством и теплотой, называл его по имени-отчеству. Обо всех прочих – нет!

Хрущёв говорил о Михохне – с уважительным чувством и теплотой, называл его по имени-отчеству. Обо всех прочих – нет!

Очень хорошо Хрущев говорил о Михохне – с уважительным чувством и теплотой, называл его по имени-отчеству. Обо всех прочих – нет!

Никита Сергеевич вызывался нас привозить, и мы ещё с пол